

юныя, кудрявыя дѣти. То вино не затуманить головы, оно просвѣтитъ только болѣе разумъ и духовное око. Мясомъ рѣдкихъ птицъ и лучшими плодами будетъ тамъ въ селеніи Аллаха питать свое просвѣщенное тѣло правовѣрный, а кто не найдетъ утѣхи въ винѣ и яствахъ, того утѣшитъ милосердный Аллахъ неземною прелестью. Чудныя небесныя гуріи сѣмѣютъ вознаградить мусульманина за добрыя дѣла, совершенныя въ семъ мірѣ — юдоли страданія. Ихъ черныя глаза, темныя какъ мракъ полуночи, блестящія огнемъ и неземною страстью, ихъ станъ, стройный, какъ пальма Востока, ихъ тѣло, которое бѣлѣе ливанскихъ снѣговъ и блестяще перловъ, заставляютъ забыть о всемъ пережитомъ на землѣ, а ихъ улыбка прекрасная, какъ день, ихъ поцѣлуй горячіе, какъ песокъ пустыни, ихъ прекрасное, какъ роза изъ садовъ Фарсистана, лицо и объятія, подобныхъ которымъ нѣтъ на землѣ — все это создано для утѣхи правовѣрныхъ въ горнемъ мірѣ, чтобы вознаградить ихъ за молитвы, омовенія, посты и добрыя дѣла...

Люди, подобные Абдъ-Аллѣ, служатъ настоящей опорой исламизму, и не мудрено, что послѣ смерти они будутъ почтены, какъ великіе шейхи и сантоны, и надъ могилою ихъ будутъ построены цѣлыя храмы и гробницы, какихъ много стоитъ на всѣхъ караванныхъ дорогахъ на протяженіи всей аравійской пустыни.

Пока Букчіевъ и Юза повѣствовались мнѣ о знаменитомъ паломникѣ мусульманства, воссѣдавшемъ вмѣстѣ съ нами, костеръ нашъ то вспыхивалъ ярко, озаряя живописную группу, среди которой старый шейхъ казался настоящимъ патріархомъ, то опять погасалъ, пока Ахмедъ и Рашидъ не подкладывали снова сучковъ тарфы (маннового дерева) или сухого бурьяна. Абдъ-Алла и Букчіевъ остались у насъ ужинать. Мы ничего не могли предложить своимъ гостямъ, кромѣ той же бурды, которую ѣли сами. Хотя Юза — нашъ поваръ, и величалъ ее громкимъ именемъ супа, но то было самообольщеніе, и наше варево походило не столько на супъ, сколько на пойло для коровъ, въ которомъ были сварены вмѣстѣ и хлѣбъ, и оливки, и финики, и все это было подкрашено для цвѣта и вкуса краснымъ виномъ. Небольшой кусочекъ перепелки, убитой мною на восходѣ солнца въ тотъ день, служилъ вторымъ блюдомъ, а сладкіе финики составляли недурной, но сильно пріѣвшившійся десертъ. Поѣвши, мои собесѣдники смолкли; даже словоохотливый Букчіевъ молчалъ, о чемъ-то задумавшись; Рашидъ и Ахмедъ дремали, а старый Абдъ-Алла, затянувшись душистымъ наргилѣ, который онъ сперва предложилъ мнѣ, сидѣлъ, потупивъ свои глаза, какъ будистъ, и погрузившись